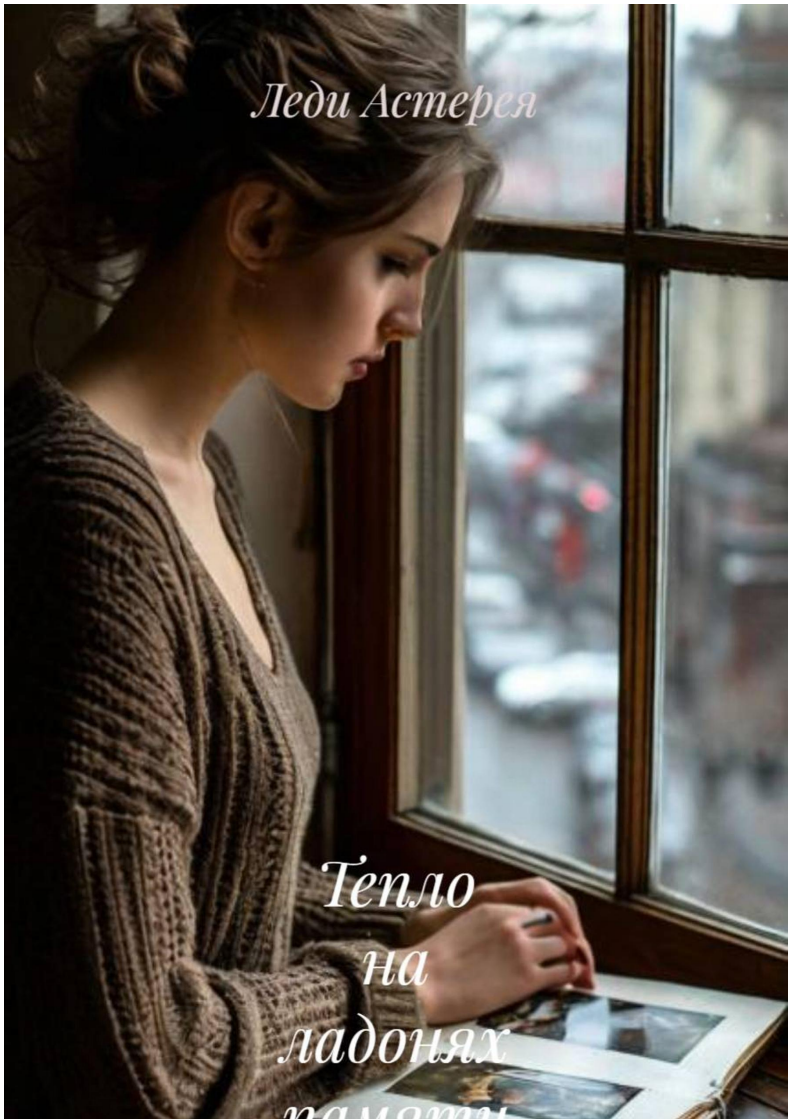

Леди Астерейя

*Тепло
на
ладонях
памяти*

Леди Астерейя

Тепло на ладонях памяти

<https://litres.ru/73078728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она закрыла альбом с фотографиями, аккуратно поставила его на полку и подошла к окну. За стеклом шумел город. Боль не исчезла совсем, но теперь она была не хозяином её жизни, а лишь частью истории — важной, но не единственной.

«Спасибо, что были», — тихо сказала она, и в этих словах было всё: прощание, благодарность и обещание жить дальше.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Леди Астерейя

Тепло на ладонях памяти

Глава 1

— Ба, а ты знала, что можно увидеть на небе невооружённым глазом около Две тысячи пятьсот звёзд? — спросила Яна.

— Нет, не знала, но, я знаю что пора спать.

— Ну ба, сегодня первый день лета, давай ещё посидим, поболтаем, я посмотрела на бабушку жалостливыми глазами, я так делала всегда, когда хотела что-то получить.

Бабушка никогда не выглядела на свой возраст. Ей было пятьдесят девять лет, но на лице не было ни морщин, ни седины. Её тёмно-зелёные глаза, казавшиеся на солнце бурозелёными, светились особой живостью и молодостью. В ней сочеталось что-то неуловимо детское и одновременно мудрое — будто время решило сделать для неё исключение, оставив душу юной, а облик — почти не тронутым годами.

Она редко улыбалась, но когда это случалось, её улыбка, хоть и редкая, была очень доброй и светлой. Когда она внимательно слушала собеседника, то сводила брови, и могло показаться, что она сердится. Но это было лишь проявлением её сосредоточенности и интереса. Она всегда коротко

стриглась, хотя у неё были красивые каштановые волосы.

Бабушка вздохнула, но согласилась:

— Хорошо, только я что-нибудь принесу, чтобы было интересно слушать про звёзды.

Бабушка ушла в дом, а я продолжала смотреть на небо, где мерцали тысячи звёзд. Как я любила эти вечерние посиделки с ней. В такие моменты время словно останавливалось, и я чувствовала себя частью чего-то большего, чем просто маленькая девочка.

Она принесла какао и подушки.

— Яна, сядь на подушку, а то всё застудишь, — сказала бабушка.

Мы всегда с ней сидели на бетонном порожке, который прилегал к входной двери.

— Ага, ба, о, какое спасибо! — ответила я, наслаждаясь горячим напитком

— Ну и о чём будем говорить? — спросила она меня.

— Ну вообще, если о звёздах, ты знала, что Большую Медведицу в России видно круглый год благодаря своему положению — оно никогда не заходит за горизонт.

И откуда у одиннадцатилетней девочки такие познания? — улыбчиво спросила меня бабушка.

— Я книгу нашла дома на чердаке, называется «Факты о звёздах». Там много чего написано, но я не всё запомнила. Но если интересно, я тебе её привезу.

— Конечно, привози, будем вместе читать.

— Ага, — облизывая губы от како , ответила я.

— Ба, спасибо, вкусно. Пойдём спать, я вижу, ты устала.

Она обняла меня и сказала:

— Ну если только чуть-чуть.

Каждое утро в деревне у бабушки было наполнено радостью и теплом. Я чувствовала себя по-настоящему счастливой, просыпаясь в этом месте, где время будто замедляло свой ход, позволяя насладиться каждым мгновением. Не торя ни секунды, я выскакивала на крыльцо босиком, чувствуя под ногами тёплые доски. Впереди ждал целый день приключений: покормить кур, помочь бабушке собрать ягоды, покататься на велосипеде по просёлочной дороге или исследовать старый сарай, полный загадочных вещей.

— Ты чего так рано, Ян? Иди поспи, я ещё ничего не приготовила.

— Не хочу, ба, я подожду, а пока пойду яблоко сорву.

— Только не забудь помыть.

— Хорошо, ба, — крикнула я, когда бежала к яблоне.

— Раз, два, три, ты сюда смотри, четыре, пять — вместе мы идём гулять! — я напевала, прыгая по тропинке и размахивая руками.

Вдруг — резкий толчок, боль пронзила ногу, и я плюхнулась на землю. — Ай-ай! — громко вскрикнула я, потирая ушибленное место.

— Что случилось? — бабушка уже бежала ко мне, её лицо было полно тревоги.

Я сидела, дрожа от боли и обиды, и слёзы сами покатались из глаз.— Нога, ба, нога! — захлёбываясь слезами, проговорила я.

Бабушка опустилась на корточки рядом, аккуратно приподняла штанину и увидела на ноге ранку.— Это гвоздь, — мягко сказала она. — Пойдём скорее, обработаем. Ну вот скажи мне, ты под ноги смотришь, а? — в её голосе звучало не упрёк, а забота.

Я кивнула, шмыгнула носом и взяла бабушку за руку. Боль ещё немного ныла, но рядом с ней сразу стало спокойнее.

— Сейчас будет больно, терпи, — предупредила она.

— Ай, шипит!

— А ты как хотела? Это же рана... Если не обработать сейчас, потом будет только хуже, — терпеливо, но твёрдо объяснила она, глядя в мои полные слёз глаза.— Понимаешь, Яна, это как в жизни бывает. Когда тебе сделали больно, сперва нужно убрать то, что ранит, а уже потом — залечивать. Иначе не заживёт, — её голос звучал тихо и уверенно, словно она делилась важным секретом.

Я сидела в полной растерянности, пытаюсь собраться с мыслями

«Вот блин, и как мне теперь играть, сейчас же придёт Кристина, а я тут с дыркой в ноге», — пронеслось у меня в голове.

Ну надо же было именно сейчас наткнуться на этот гвоздь, Предстоящая встреча с подругой обещала быть весёлой и

непринуждённой мы собирались дурачиться и обсуждать всё на свете.

Но внезапная проблема поставила под угрозу все мои планы. Я покосился на аптечку, потом на часы. Кристина будет здесь через десять минут. Что ж, похоже, вместо веселья нас ждёт импровизированный сеанс первой помощи и рассказ о моём эпичном падении. Может, даже получится выставить это как подвиг — мол, я героически боролся с ландшафтным дизайном двора.

Яна, иди кушать! — послышался голос.

— Сейчас, бабушка, только дойду до стола. Я чувствовала себя растерянной и беспомощной, но твёрдо знала, что найду выход из этого положения.

А завтрак у бабушки всегда были блины — не просто блины, а целое искусство. Она пекла их на старой чугунной сковороде, которую берегла много лет, и каждый блин получался идеально круглым, с золотистой корочкой по краям. Рядом неизменно стоял гранёный стакан молока, налитый до самых краёв, и пузатая банка клубничного варенья с потрескавшейся этикеткой — того самого, что варили в августе, . Аромат свежеиспечённых блинов наполнял весь дом.

— Ба, у тебя всегда такие вкусные блины, вкуснее, чем у мамы, — сказал я, с удовольствием отправляя очередной блин в рот.

— У твоей мамы просто нет желания учиться, — ответила бабушка.

— А меня научишь? У меня есть желание, — сказал я бабушке, едва успев прожевать очередной блин.

— Научу, конечно, — ответила она.

Если ты покушала, то иди отдохни и старайся меньше наступать на ногу -- сказала бабушка, и вышла из кухни .

Допивая молоко, я услышала голос, который у меня вызывал только раздражение. подняв голову и увидела парня своей сестры .

Его лицо и голос были для меня главным источником дискомфорта. Длинный острый нос, будто нацеленный прямо на собеседника, вызывал необъяснимое чувство тревоги — казалось, он вот-вот ткнёт меня своим кончиком. Острый подбородок, словно лезвие, усиливал это неприятное впечатление, придавая лицу хищное выражение. Маленькие губы, сжатые в тонкую линию, никогда не смягчали черты — даже когда он пытался улыбнуться, улыбка получалась натянутой и неестественной. Короткие вьющиеся светлые волосы выглядели так, будто их торопливо пригладили рукой: отдельные кудряшки упрямо топорщились, добавляя облику какой-то нервной небрежности. А его маленький рост только усугублял ситуацию — из-за него все эти заострённые черты казались ещё более выпуклыми и навязчивыми, буквально заполняя собой всё пространство вокруг.

— Привет дырявая нога , засмеялся он .

— Ага — сказала я с недовольным лицом.

— Какая же ты бедовая, Янка. И как родители твои с то-

бой справляются?

Я посмотрела на него с вызовом.

— Вот смотрю я на тебя и думаю, и что же моя сестра в тебе нашла? Ни кожи, ни рожи, да с мозгами туго, — отрезала я.

Игорь нахмурился.

— Ох, Янка, ты такая противная. Что же с тобой будет, когда ты вырастешь? — спросил он.

— А тебя это не должно волновать, — ответила я ему.

Он хотел что-то мне сказать, но в дом зашла бабушка.

— Игорь, уйди от неё, не доставай — сказала она.

Игорь остался на кухне, а я ушла в другую комнату. Вдруг раздался стук в окно — это была Кристина. Яна она радостно кричала моё имя и махала рукой.

— Кристина, заходи быстрее! — сказала я.

Мы подружались с ней, когда ещё были маленькими. Мне тогда было шесть, а ей — пять. Наши встречи случались только на каникулах, но время словно замедлилось в моей памяти, и эти моменты кажутся мне совсем недавними.

Каждый раз, когда мы виделись, я замечала в ней лишь незначительные изменения. Всё те же каштаново-рыжие волосы, только теперь они были коротко подстрижены, каре с чёлкой придавало ей новый, но всё равно знакомый облик.

Её карие глаза, глубокие и блестящие, сияли живым, любопытным светом. Веснушки на лице — мелкие, золотисто-коричневые — рассыпались по переносице и щекам ши-

рокой, причудливой дорожкой, делая её облик по-особенному ярким и запоминающимся. Они словно появлялись гуще, когда она смеялась.

Красивые пухлые губы, естественного розовато-персикового оттенка, всегда выглядели свежими, а когда она улыбалась, вокруг глаз собирались милые лучики-морщинки. Большие скулы, высокие и выразительные, придавали лицу скульптурную чёткость, но не лишали его мягкости.

Она всегда была очень активной, полной энергии: вечно куда-то спешила, жестикулировала, оживлённо рассказывала истории, а её глаза при этом загорались ещё ярче. Она всегда любила носить платья — это был её неизменный стиль. Особенно она обожала жёлтый цвет во всех его проявлениях: от яркого канареечного до нежного лимонного. Жёлтые платья — с цветочным принтом, в горох, однотонные — составляли основу её гардероба. В них она выглядела как воплощение летнего дня, полного света и радости.

Пытаясь встать с кровати, но почувствовала жуткую боль в ноге. Я продолжила сидеть.

— Яна! — услышала я голос Кристины. — Ура, ты пришла, наконец-то! Я так скучала!

— Кристина, только я пока не могу играть, — сказала я. — вот ногу пробила гвоздём.

— Ого, болит? — спросила Кристина.

— Да, болит, — ответила я. — Но бабушка сказала, что через два дня уже можно будет ходить.

— Ну тогда мы будем рисовать, листать журналы и смотреть телевизор, — предложила Кристина.

— Да, — согласилась я.

— Главное, что мы вместе, — сказала она и обняла меня.

Обычно мы с Кристиной гуляли за домом у бабушки. Там небольшой сад, и за ним — колодец. Он казался нам загадочным и немного пугающим.

Колодец был пустым, и мы с Кристиной всегда его боялись. Однажды Игорь рассказал нам историю о том, что когда-то давно в этом колодце утонул человек. Говорил, что теперь его дух заперт там, и он может внезапно появиться из колодца, схватить у утащить.

Мы были маленькими и впечатлительными, и эта история напугала нас до дрожи.

— Слушай, а давай поиграем в карты, — предложила я Кристине.

— Давай, но я не умею, — ответила она, слегка смутившись.

— Я тоже не сильно в этом разбираюсь, но я знаю, точнее, видела, как Катя с Игорем играли. Он всегда побеждал, потому что у него был туз. Так вот, выиграет тот, у кого будет туз, — объяснила я ей.

— Да, класс, давай, — обрадовалась Кристина. — И будем по очереди раздавать карты, ну чтобы честно было.

Мы с Кристиной проиграли почти полдня

— Мне надоела давай порисуем, вон там в шкафу под те-

левизором лежат краски , и кисточки. достань , пожалуйста. попросила я Кристину .

Я никогда не любила рисовать, но знала, как Кристина любит это занятие. Каждый раз, когда я приезжала к бабушке, я просила папу купить мне краски, кисточки и альбомы для рисования.

— Ого, сколько красок! Как круто! — воскликнула Кристина

— Я уже знаю, что нарисую. сказала она .

— Ты, наверное, нарисуешь мою красивую дырявую ногу, только добавь драмы, как я люблю, — пошутила я.

Кристина всегда была чувствительным человеком. Её душа словно была настроена на волну эмоций, и малейшие колебания окружающего мира отзывались в ней яркими переживаниями. Но вместе с тем у неё был и характер — сильный, решительный, не склонный к компромиссам. Она всегда хотела, чтобы всё было здесь и сейчас, и только так, как она хочет.

— Блин, Яна, не буду я рисовать твою ногу. Там ещё и кровь, а я боюсь крови, — ответила Кристина. — Я лучше нарисую себя с плакатом нашей любимой певицы. А ты что будешь рисовать?

— Я нарисую, как Игорь падает в колодец, и все счастливы, — засмеялась я.

Привет, девочки! Подняв голову, я увидела Катю, свою сестру. Мы редко виделись: я могла навестить бабушку толь-

ко во время каникул. Раньше Катя жила с нами — мамой, папой и моим братом. Но ей было непросто ужиться с ними, и она решила переехать к бабушке. Мама разрешила, а папа, который был ей отчимом, как и моему брату, не стал препятствовать, хотя и не особо вмешивался в её жизнь.

Но папа был против отношений Кати и Игоря. Он считал, что в 17 лет это может привести к чему-то нехорошему. Но жизнь порой непредсказуема, и события развиваются по-своему.

Она стояла, опершись на дверь. С нашей последней встречи, она не изменилась.

Всё те же длинные вьющиеся тёмные волосы — густые, чуть растрёпанные, будто она только что пробежалась по ветру. Голубые глаза с россыпью едва заметных золотистых крапинок, нос картошкой и пухлые губы, которые она то и дело покусывала, задумавшись.

Невысокая, худая, она двигалась легко и порывисто, то и дело поправляя волосы или теребя одну из фенечек на запястье. На ней были джинсы синего цвета, уже не новые, с небольшой дырочкой на бедре, и белая футболка, немного великоватая, с закатанными рукавами. Фенечки на руке — их она почти никогда не снимала — пестрели всеми оттенками радуги: красные, зелёные, синие, с узорами и без.

Катя вернулась домой, я встретила её с улыбкой. Она подошла, чтобы обнять меня.

— Бабушка уже всё рассказала, — начала Катя, улыбаясь

и глядя на мою ногу. — Ну, я не удивлена, — добавила она, имея в виду что-то своё.

Я приехала ещё вчера, а тебя не было дома. Почему? — спросила я.

— Я оставалась на ночёвку у Юли, — ответила сестра.

— А это та самая, которая ворует у тебя косметику? Я думала, ты не будешь с ней больше дружить, — заметила я.

— Яна, может, это не она, — возразила Катя. — Я могла и потерять косметику.

— Ага, конечно, — усмехнулась я. — Пол твоей косметички ты потеряла, а она потом приходит к нам накрашенная твоими тенями. Ты в это веришь? — спросила я.

— Так, Яна, я сама знаю, что мне делать и с кем общаться, — сердито сказала сестра. — У тебя я ещё не спрашивала совета.

— Мне вообще всё равно, — ответила я. — Это ты дружишь с воровкой, а не я.

Катя посмотрела на меня с упрёком. Но потом сказала: — Я иду пить чай. Вы со мной? Я перевела взгляд на Кристину — она была так увлечена своим рисунком, что, наверное, и не слышала, о чём мы говорили.

— Кристина, мы идём пить чай, — обратилась я к ней.

— Да-да, я сейчас, только дорисую, — ответила она мне.

Я попыталась встать, но не смогла — моя нога ужасно болела. Катя схватила меня за руку.

— Давай я тебе помогу, держись за мою руку, — сказала

она.

Мы медленно двинулись к выходу из комнаты, каждый шаг отдавался болью, но я старалась не показывать виду, чтобы не тревожить Катю и Кристину.

Мы только сели за стол, и Катя сделала нам чай, как раздался голос Бабушки

Катя, иди, там твоя подруга пришла, только недолго, сегодня нужно будет обоим клеить, — сказала бабушка.

— Так, чай убрали, сейчас будем есть, — объявила бабушка.

В тот момент, когда я хотела попросить Кристину посмотреть в окно, стало понятно, что произошло нечто, требующее внимания. Однако обстановка в доме не располагала к тревожным мыслям.

Дом, в котором жила бабушка, был небольшим, но уютным. Всего три комнаты, и в каждой чувствовалась забота хозяйки. На кухне стояла печь, у стены — стол, по бокам — стулья, а рядом — диван коричневого цвета. Стены были белыми, полы покрашены в тёмный цвет, лежали круглые вязаные коврики. На окнах висели шторы серого цвета. Справа от стола стоял холодильник, в котором бабушка хранила всё: и хлеб, и лекарства, а на стене у дивана висел ковер.

Когда мы оставались одни с бабушкой, большую часть времени мы проводили на кухне или сидели на порожке у дома. Молчание было нам не чуждо, но я, будучи ребёнком, не могла усидеть в тишине и обычно много говорила. Бабуш-

ка слушала меня, и в её присутствии я чувствовала себя защищённой и понятой. Эти моменты были важны для меня, они оставили след в моей душе.

Этот дом был для бабушки не просто жилищем, а местом, где она могла почувствовать себя в безопасности и покое. Она часто что-то переделывала в доме, стараясь сделать его ещё более уютным и комфортным.

Кристина стояла у окна, задумчиво глядя вдаль. Бабушка, заметив это, прервала её размышления:

— Кристина, иди кушать, хватит там стоять.

В этот момент входная дверь с грохотом захлопнулась, и слышались голоса.

— Катя, я не знаю, о чём она говорит, я этого не делал, — доносился голос Игоря. — Она специально это делает, чтобы мы с тобой расстались.

— Ага, конечно, ты, Игорь, уходи, я не хочу тебя видеть, — отвечала Катя.

— Я не пойду, я сказал...

Бабушка открыла дверь и вышла с кухни.

— Что происходит? — спросила она.

— Ничего, просто у вашей внучки истерика, — ответил Игорь.

— Уходи, я сказала, — резко закричала Катя и забежала на кухню, а потом тут же убежала в комнату. Она была в слезах.

— Так, Игорь, уходи. Потом придёшь, когда она успоко-

ится, — сказала бабушке.

Бабушка хотела что-то добавить, но Игорь уже ушёл. В доме повисла напряжённая тишина.

— Яна, надо пойти к Кате и успокоить её, — сказала мне Кристина. Но она плохо знала мою сестру. Когда она жила с нами, такие истерики были каждый день, и ей нужно было время, чтобы успокоиться.

— Она сама выйдет, когда будет спокойна и готова к разговору, — ответила я Кристине, царапая дно тарелки с супом ложкой. И я надеюсь, что это их последняя ссора и они расстанутся, потому что он просто ужасен, — продолжала я.

— Интересно, что случилось? — спросила меня Кристина.

— Я думаю, Юлька приложила к этому руку, — ответила я. — Она, наверное, не только её косметику хочет, но и этого, как его там ..

Игорь, его зовут Игорь сказала бабушка

— Да, почти запомнила, как его зовут, — улыбнулась я.

— Яна, прекрати язвить, — ответила мне бабушка. — Он старше тебя, ему двадцать один, а тебе одиннадцать, и, более того, ты же воспитанная.

— О, я придумала: Игорёк — догоревший уголёк. И красиво, и воспитанно, да? — засмеялась я, и Кристина вместе со мной.

В тот вечер, когда мы с Кристиной сели отдохнуть, в воздухе повисла тишина, наполненная напряжением.

— Ты переживаешь за Катю? — спросила меня Кристина.

— Не переживаю, — ответила я, — просто хочу, чтобы она увидела и поняла, что он плохой, что он не подходит ей.

— Почему ты так думаешь? — удивилась Кристина. — У них же любовь, а просто так никто никого не любит, может, это судьба.

Я вздохнула и ответила:

— Только от их любви вот бабушка не может обои поклеить. Сколько стоит этот клей, и лежат рулоны обоев...

Кристина, задумавшись на мгновение, предложила:

— А давай мы поможем, наклеим обои. Одну стену потом уже не будет возможности оставить неоклеенной, надо будет продолжать. Не будут же обои висеть, и тогда они, возможно, поймут и займутся делом.

— Идея хорошая, только я не могу наступать на ногу, — сказала я, пытаясь скрыть улыбку.

— Так ты будешь мазать, а я клеить, — предложила Кристина, — только высоко.

— Давай просто будем кусочками клеить, — ответила я, чувствуя, как напряжение отпускает.

Кристина убежала за ножницами, и через мгновение мы уже принялись за работу. Мы вырезали прямоугольники из обоев и клеили их на стену. В тот момент мы не представляли, что нас ждёт, когда это всё увидит бабушка.

Мы даже не подозревали, что этот случай станет частью нашей памяти, которую мы будем вспоминать с улыбкой

много лет спустя.

Голос раздался сзади нас, и мы вздрогнули.

— Девочки, сейчас Света вас прибьёт, вы зачем трогали обои? — спросила она.

Мы обернулись и увидели маму Кристины. Она смотрела на нас с удивлением.

— Мама, заулыбалась Кристина.

— Тётя Аня, здравствуйте, — сказала я.

Глаза мамы Кристины всегда казались мне светлыми, а взгляд — изучающим, любопытным. Она была человеком, который не боялся задавать вопросы и искать ответы. У неё всегда была короткая стрижка подчёркивающий чёткие черты лица, — и чёрные, крашенные волосы с едва заметным синим отливом, которые блестели при солнечном свете. Она не была высокого роста, но в ней чувствовалась внутренняя сила и уверенность: осанка оставалась прямой даже после многочасового рабочего дня, а взгляд больших серых глаз умел одновременно успокоить и призвать к порядку. Лёгкая улыбка иногда трогала её губы, но в целом выражение лица оставалось серьёзным, словно она постоянно взвешивала свои слова и поступки.

Мама Кристины работала учителем в местной школе и у неё всегда была сумка, полная тетрадей — потрёпанная, но любимая кожаная сумка тёмно-коричневого цвета с потёртыми ручками и застёжкой, которая иногда заедала.

— Мы хотели помочь бабушке Свете, — ответила Кри-

стина маме.

И тут я поняла, что мы натворили. Меня бросило в страх. Я знала, что бабушка не любит, когда без неё что-то делают, но было уже поздно.

В комнату зашла бабушка, и из её рук упали яблоки. На лице читалось: «Какой кошмар».

— Ба, я сейчас всё уберу, только не кричи, — сказала я, вставая. Резкая боль пронзила мою ногу, но я не подала виду. Я шла и старалась не хромать.

Я подошла к обоям, которые мы успели наклеить, и хотела их содрать, но бабушка сказала:

— Стой, не трогай, пускай будет как есть.

— Кристина, прощайся с Яной, и мы пойдём домой, — сказала тётя Аня.

— Пока, Кристина! — обняла её я. — До завтра.

— Пока, до завтра, — ответила она.

Я так не любила, когда мы прощались с ней...

Я села на кровать, и бабушка рядом со мной.

— Ты злишься? — спросила я её.

— Немного, — ответила она. — Но что сделано, то сделано.

— Ба, мы просто хотели помочь, — сказала я ей. — Нам казалось, что если мы начнём клеить, то Катя и этот уголёк начнут тебе помогать.

— Послушай, Яна, и запомни на всю жизнь: если человек не просит о помощи, то ему не надо помогать, даже если

очень хочется и кажется, что после твоей помощи ему станет легче. Не надо помогать. А вот если попросит, тогда другое дело, — она погладила меня по голове и сказала готовить ногу для обработки.

Бабушка не хотела ругать нас, но мы сами создали себе проблему. Этот эпизод стал напоминанием о том, что даже самые благие намерения могут привести к нежелательным последствиям.

После перевязки мы, как обычно, сидели на кухне. Я пила какао, она — кофе. Мы ничего не говорили, просто молчали.

Я любила молчать с ней, потому что знала: она и так понимает меня без слов

Бабушка, когда о чём-то думала, всегда смотрела вбок, а кружку держала на весу. На голове у неё была косынка, и любимый халат в цветочек синего цвета придавал её образу уют и тепло. Её присутствие рядом успокаивало .

Катя вышла из комнаты и сказала: — Я тоже буду кофе.

— Чайник горячий, где кофе, ты знаешь, — ответила бабушка.

— Я оставила тебе твои любимые печенья, — сказала Катя с улыбкой, пытаясь разрядить обстановку.

— Ага, мне сейчас не до твоих печений, убери их, — грубо ответила Катя.

— Надо отвечать «спасибо», а не «ага», — заметила бабушка.

— Почему ты злишься на меня? — спросила Катя.

— Я не злюсь, просто ты должна уже понять, что нужно взрослеть и включать голову, — сказала бабушка холодным голосом.

— К чему ты это говоришь? — спросила Катя.

— Да к тому, что если строишь отношения с людьми, которые не ценят тебя, а потом общаешься с ними как ни в чём не бывало, а с людьми, которые ценят тебя и стараются ради тебя, ты относишься как к чему-то ненужному, то ничем хорошим это не закончится. Тебе ясно? — спросила бабушка.

Катя сидела за столом, погружённая в свои мысли. Она не понимала, почему бабушка так резко отреагировала на её слова. Обычно бабушка была спокойной и рассудительной, но сегодня что-то явно было не так.

— Я просто сказала, что не хочу печень, — произнесла Катя, обращаясь скорее к самой себе, чем к кому-то ещё.

Бабушка, посмотрев на неё из-под бровей, произнесла:

— Да, Катя, тяжело тебя будет по жизни.

С этими словами бабушка встала из-за стола и ушла в комнату. Катя осталась одна, пытаясь осмыслить произошедшее.

Утро было, как обычно, прекрасным. Бабушка пекла блины на завтрак. Катя пила кофе, и они с бабушкой о чём-то говорили. На их лицах была улыбка.

— Привет всем, — сказала я и села за стол.

— Иди умойся, а потом будешь есть, — сказала мне Катя.

— Ага, — ответила я с иронией.

Бабушка посмотрела на меня и улыбнулась.

— Ох, Яна, ну ты и любишь поязвить, — сказала она мне.

— Мне папа всегда говорит, что с людьми надо поступать так, как они с тобой поступают, — ответила я.

— Я была не в настроении, и поэтому так тебе вчера ответила, — сказала мне Катя.

— Так я тоже сегодня без настроения, знаешь ли, нога всё ещё болит, а ты тут со своим «умойся, а потом кушать», — говорила я, наливая кипяток себе в кружку.

— Ну ты не могла промолчать, испортила мне утро, — сказала Катя.

— Ты ещё от вчерашнего не отошла, так что все претензии к Угольку, — ответила я ей.

Бабушка прикрикнула на меня:

— Яна!

— Кто такой Уголёк? — спросила меня Катя с недоумением на лице.

Я пошла умываться, оставив вопрос без ответа, и на моём лице играла улыбка.

Когда я вернулась, Кати уже не было.

— Яна, мама сказала, что вам в школе задали летнее чтение, — сообщила бабушка. — Так вот, с сегодняшнего дня ты должна читать.

Мои глаза округлились от удивления.

— Ба, как так? Я хотела отдохнуть этот месяц. И я не брала свои книги, — ответила она.

— Мама за тебя всё сделала, — улыбнулась бабушка. —

Там в твоём портфеле всё уже подготовлено. Я посмотрела: книги небольшие, на одну книгу — два дня. Всего пять штук.

Я закатила глаза.

— Ладно, сейчас поем и пойду читать, пока Кристина не придёт, — ответила я.

— Да ногу готовь для перевязки, — напомнила бабушка.

— Хорошо.

Опять эти книги... В школе — книги, учи, зубри, бейся за оценки. Лето нужно, чтобы отдыхать, а не тратить его на чтение. Но вслух я произнесла:

— Я люблю читать, конечно, но и отдыхать я тоже хочу.

— Яна, быстрее начнёшь — быстрее закончишь, — донёсся голос бабушки из другой комнаты.

Я вздохнула и достала книги из портфеля. понимая, что отказаться от чтения не получится, но всё равно не могла смириться с тем, что лето началось не так, как планировала.

Бабушка обработала ногу, и она почти уже не болела, и я могла на нее наступать.

— Привет, что читаешь? — раздался голос.

— Привет, Кристина, — заулыбалась я. — Да вот, читаю литературу, которую задали на лето. Наверное, чтобы мы не забыли, как выглядят буквы, а то вдруг за три месяца в приматов превратимся.

— Да ладно тебе, ты же любишь читать, — ответила Кристина.

— Да, люблю, только читать то, что я хочу и что мне нравится. Вот тот же самый Гарри Поттер

— Гарри Поттер мне не нравится — сказала она мне

В то время, как мы с Кристиной планировали прогулку в саду и обсуждали предстоящие развлечения, за двором можно было наблюдать забавную сцену. Там были Катя и Игорь. Их диалог, хоть и был не слышен нам, казался нелепым и наигранным.

— Опять этот тут, наверное, просит прощения, — заметила я, пародируя Игоря. — О, моя Катечка, прости меня, я весь такой классный, а ты такая не классная, и только я могу сделать тебя счастливой, ведь я просто шикарен

Кристина рассмеялась.

В саду мы, решили собрать цветы для украшений и ягоды для бабушки

Сделав из цветов изысканные украшения на голову, мы собрали не много ягод и решили отнести их бабушке, чтобы порадовать её. Но выходя из сада мы наткнулись , на Игоря он сидел на стуле за домом и курил .

— Вы опять там лазили, Беда так он теперь меня называл — Тебе же говорили, нельзя там быть. Или история с колодецем вас ничему не научила?

Я посмотрела на него с презрением.

— Научила, — ответила я с сарказмом. — Мы просто ходили договариваться с призраком деда, чтобы он затащил тебя к себе в колодец. Вот видишь, и ягод к столу набрали,

чтобы отметить сделку. Игорь был поражён моими словами, но я не собиралась останавливаться.

— Да что ты, Беда, а ты не думала, что я могу всё рассказать твоим родителям, как ты разговариваешь со взрослыми? — спросил он, пытаясь сохранить серьёзность.

— Говори, — ответила я. — Призрак спросил, как тебя зовут, я сказала, что ты Уголёк. Так что знай об этом.

Мы с Кристиной засмеялись и пошли дальше. По дороге к дому мы встретили Юлю и Катю. При виде Юли я, как обычно, закатила глаза, а она мне улыбнулась

Ба, зайяд, — крикнула я, но никто не ответил. Я вышла на улицу.

— Кристина, ей нет дома, пойду у Кати спрошу, — сказала я.

— Хорошо, — ответила Кристина, — я тут тебя подожду. Подойдя к углу дома, я услышала разговор.

— Катя, ты же сказала, что не будешь больше курить, — говорил Игорь.

— Да ладно тебе, Игорюня, что она там, курить одну сигарету в день, — отвечала ему Юля.

— Да вот именно, ты тоже куришь, — сказала Катя.

Я решила вмешаться. Стукнула кулаком по стене дома, и тут Юля резко выглянула из-за угла.

Янка, что случилась, спросила меня Юля

Ничего, Катя где бабашка?

Она ушла к соседке, сказала что скоро будет. Ответила

мене Катя не выходя из угла дома .

Я подняла бровь и посмотрела на Юлю .

Ага , ответила я Кате и ушла .

Ну что там ? спросила меня Кристина .

Да она ушла к соседке , не знаю зачем .

Я хотела рассказать Кристине что слышала , но потом подумала что нет смысла это говорить. мне нужно было подумать как обойтись с этой информацией .

Ну тогда пойдем ко мне домой , предложила Кристина .

Хорошо , только оставлю ягоды , и напишу записку бабашке что я у тебя .

Все сделав я вышла из дома , Кристина ждала меня у дороги, она жила через три дома от Бабушки.

Дорога к её была для нас огромным миром. Мы представляли, как убегали от призраков из колодца, искали необычные по форме камни среди щебня, которым была покрыта дорога.

На улице, по которой жили бабушка и Кристина, было всего четыре дома. Да и сам посёлок, был небольшим:.. Здесь всё было по-своему: школа, детский сад, пару магазины, и пекарня, где всегда вкусно пахло свежей выпечкой.

Дом Кристины был небольшим, как и бабушкин, но очень уютным. Я обожала приходить к ней в гости — в её доме было всё, что нужно для счастливого детства.

А её двор напоминал мне место для лесных эльфов: много деревьев, кустов, цветов. Под одним из деревьев стоял боль-

шой стол, за которым мы летом и весной всегда завтракали или ужинали.

Мы были детьми, полными фантазии и любопытства. И двое детей, находили радость в простых вещах — в играх на улице, в общении друг с другом, в исследовании окружающего мира.

— Смотри, что мама купила, — сказала мне Кристина.

— Ого, что это? — спросила я.

— Это видеокамера. Теперь мы можем снимать всё, что мы делаем.

— Класс! И что мы будем снимать? — спросила я.

— Конечно, наши танцы, — улыбнулась Кристина.

— Только надо выбрать музыку, придумать движения, а потом снимать, а то будем кто в лес кто по дрова, — предложила я.

Кристина всегда любила много фотографироваться, снимать.

Мы устраивали показы мод и репетировали танцы, но не всегда могли сразу договориться о том, какая музыка подойдёт лучше, какие движения будут смотреться гармонично. Кристина стремилась к быстрым результатам и хотела охватить сразу всё, в то время как я понимала важность тщательной проработки каждого элемента. Но в конце мы приходили к чему-то одному.

Месяц лета пролетел незаметно, книги я прочитала быстро, но не запомнила почти ничего из них. Но одно произведе-

дение мне запомнилось на много лет — «Вечера на хуторе близ Диканьки». И спустя годы оно остаётся одним из любимых для меня.

— Яна, собирайся, скоро родители приедут, — сказала мне бабушка.

Я соскучилась по маме и папе, но я не хотела уезжать. Утро для меня было грустным.

— Яна, ты через месяц приедешь ко мне, не расстраивайся, — обняла меня бабушка.

— Да, у Кристины день рождения будет, но я не хочу уезжать. Почему это время так быстро идёт? Я только приехала и уже обратно, — говорила я, опустив голову.

— Да, Яна, с каждым годом время будет бежать всё быстрее и быстрее, — ответила мне бабушка.

Я подошла к зеркалу, чтобы собраться к приезду родителей, и окинула себя внимательным взглядом, словно пытаюсь уловить неуловимые изменения в своём облике. За последний месяц почти ничего не изменилось: всё те же длинные, белоснежные, словно снег, волосы — они спускались почти до талии, а из-под пышных прядей едва виднелись кончики ушей. Лицо оставалось худощавым, с чёткими овальными очертаниями и изящными чертами. Светло-зелёные глаза, на солнце — почти серыми, выделялись на фоне бледной кожи. Длинные густые ресницы.

И не даже не выросла Обидно! подумала я .

Открыв шкаф, я окинула взглядом вещи, собранные для

меня мамой. Среди них было платье — золотистое с белыми цветами и белым воротником с рюшами. Я не любила платья. В моём представлении они были неудобными: в них нельзя было ни присесть, ни побегать, всё время задиралось. Это было не то, что нужно для активной жизни. Куда больше мне нравились шорты или джинсы — одежда, в которой я чувствовала себя комфортно и могла свободно двигаться.

Ну что ж, нужно надеть тебя, а то знаю маму, шорты — не лучший выбор, подумала я про себя. Я уже представляю мамино лицо, строгий взгляд со словами «И кому я покупаю эти платья?», всё время забываю, что ты у нас Яна пацанка. Но имей уважение, переоденься и приведи в порядок волосы.

Поправляя, волосы я вздохнула

Хочешь я тебе помогу , спросила меня Катя.

Я хоть и была на нее обижена , но понимала , что сама не справлюсь .

Хорошо , ответила я .

Она начала меня расчесывать , и говорить.

Ты не дуйся на меня , я просто такой человек , когда мне больно , я обижаю все вокруг . Сказала мне Катя .

Я посмотрела на нее в отражение в зеркале , и на мгновение мне показалось , что с ней что-то нет так , но я могла понять что .

Кать, я не дуюсь , просто бабушка права, не с теми ты тра-тишь свое время. Одна воровка , а другой...хотя не важно , спасибо за прическу. Я встала и хотела уйти , но поверну-

лась к Кате и сказала , тебе семнадцать , неужели ты хочешь прожить жизнь , с ним здесь , в этой деревне, он прада этого стоит ? спросила я её.

Я иногда думаю , что тебе лет тридцать , откуда у маленькой девочки , такие умные мысли ответила с сарказмом Катя .

Это не умная , этот ты глупая ответила я ей.

Выйдя из дома, я встретила Игоря. Он сидел на скамейке у нашего дома. Я хотела молча пройти мимо, но Игорь меня остановил.

— Беда, скажи, почему ты так плохо ко мне относишься? Я же тебе ничего не сделал. А если бы ты не огрызалась со мной, то мы с тобой дружили бы, и я бы покупал тебе всякие вкусняшки, — сказал он, улыбаясь.

Я повернулась и ответила:

— Ты, Игорь, бестолковый. Как Катя с тобой начала общаться — у неё появились проблемы с учёбой, через день плаче из-за тебя, а ещё и курить начала. Так ответь, какой толк от тебя? Ты думаешь, купил семечки, сел с ней на лавочку, рассказал её, как через пару лет вы будем жить в своём доме — и всё? А в каком доме, скажи? Ты не работаешь, живёшь у своих родителей. Ты ненадёжный.

Он засмеялся:

— Это ты говоришь словами своего отца.

— Нет, я говорю своими словами, — ответила я ему.

— Беда, откуда ты можешь знать о надёжности? — спро-

сил он меня.

— У меня есть папа, который с пятнадцати лет работает. В восемнадцать он уже жил один и работал, имея только школьное образование. И сейчас он работает — я почти его не вижу, потому что он один обеспечивает нас троих. А ты, уголёк, что делаешь? Приносишь семечки и сигареты, — сказала я ему.

Он немного наклонился ко мне, не вставая со стула, и сказал: — Скоро вы примете меня, и с этого момента я не буду работать ни одного дня.

Я хотела ему ответить, но услышала я голос отца, заулыбалась и побежала к нему.

У папы были светлые волосы — почти пшеничного оттенка — и такие же светло-голубые глаза, в которых то и дело вспыхивали озорные искорки. Его густые, слегка изогнутые брови придавали лицу особую выразительность, а когда он задумывался, между ними появлялась небольшая вертикальная морщинка. Худое, овальное лицо с небольшими морщинами вокруг глаз выглядело живым и проницательным; эти морщинки, похожие на лучи, расходились от внешних уголков глаз и становились заметнее, когда он улыбался. Он предпочитал короткую причёску, которая подчёркивала его индивидуальность, — волосы аккуратно лежали, слегка зачёсанные набок. Прямой нос с лёгкой горбинкой и твёрдая линия подбородка добавляли облику решительности, а на левой щеке виднелся едва заметный шрам — след давнего

детского приключения.

На нём была его любимая красная майка и синие штаны. В этом наряде он всегда выглядел привычно и по-особенному. От него всегда исходил запах металла — возможно, это было связано с его работой

— Привет, доченька, — обнял он меня. — Как дела? Как твоя нога, покажи? — сказал он мне.

— Да всё хорошо, и нога тоже нормально, — ответила я ему.

— Здравствуйте, д.Саша, — сказал Игорь.

— Здравствуй, — ответил отец.

— Вот хочу вам пожаловаться на Яну, — произнёс Игорь.

Моя бровь поднялась, а на лице отразилось презрение.

— Я слушаю, — сказал папа ему в ответ.

— Не слушает никого, ходит в места, в которые нельзя ходить, хамит взрослым, — рассказал он ему.

Папа взял меня за руку и сказал:

— Я знаю свою дочь, она просто так не хамит, а особенно взрослым, значит, ты заслужил.

Папа посмотрел на меня, я улыбалась. Я знала, что папа никогда не примет другую сторону, он всегда будет меня защищать.

На лице Игоря отразились удивление и презрение одновременно. «Пойдём, там тебя подарок ждёт», — сказал мне папа.

Я забежала в дом, где у окна стояли мама и бабушка и что-

то обсуждали.

Мама была высокой и худой женщиной с яркой внешностью. Её темные

, коротко постриженные волосы с лёгкими золотистыми бликами аккуратно обрамляли чёткий контур головы. Маленькая форма носа с тонкой переносицей придавала лицу изысканность, подчёркивая аристократичность черт. Острые скулы и небольшие губы с чётко прорисованной линией создавали образ одновременно строгий и притягательный. Взгляд голубых глаз, глубокий и внимательный, светился живостью и умом — в них читалась решительность, но и доброта, а когда она улыбалась, вокруг глаз собирались тонкие лучики морщин, делающие её моложе и теплее.

Она любила яркие платья, которые подчёркивали её индивидуальность и стиль. Даже когда она болела, на её лице всегда можно было увидеть следы красивого макияжа. Это была женщина, которая не боялась выражать свою индивидуальность и всегда следила за своим внешним видом.

— Мама, привет! — подбежала я к ней.

— Привет, Яна! — обняла меня мама. — Ну что за причёска у такой красивой девочки? — спросила она, улыбаясь.

— Это Катя мне сделала, — ответила я.

— Да, красивый хвост, — заулыбалась мама.

— Кстати, где Катя? — спросила она у бабушки.

— У себя в комнате переодевается, сейчас придёт, — ответила бабушка.

— А этот тут часто бывает? — спросил папа у бабушки.

— Да, только не начинай мораль читать, и без тебя тошно,

— сказала бабушка папе.

У них были натянутые отношения, бабушка не любила папу.

— Ладно, Лен, я тебя в машине подожду. Сказал отец.

Куды ты сразу уходишь, давай хоть чай попьёшь, вот сколько всего привезли, — сказала ему мама, но папа редко кого-то слушал. Он молча вышел из дома и пошёл к машине.

Я молчала, мне было обидно за папу.

— Ба, ну зачем ты его обидела, он же ничего не сделал,

— сказала я ей.

— Не знаю, Ян, не знаю, — ответила она.

Катя вышла из комнаты, холодно поздоровалась с мамой.

— Я пошла гулять, — сказала она бабушке, а тебе пока,

— посмотрела она на меня, — до августа.

— Пока, — ответила я ей.

Я видела, как маме было неприятно, что Катя так себя повела. И я вышла за ней, догнала я её уже около калитки.

— Катя, маме обидно, ты не видишь, что она тебе сделала, что ты так с ней?

— Яна, иди в дом, это взрослые дела.

— Ты стала считать себя взрослой, когда начала курить за домом? — спросила я её.

— Ты вообще уже, я не курю, — ответила она мне. И тут я поняла, что нас слышит папа.

— Иди домой вместе со мной, и попей чай с нами, мама не видела тебя уже давно, совесть включи, когда тебе нужны новые вещи, ты вспоминаешь о маме, — сказала я ей.

Она посмотрела злым взглядом на меня.

— Я не хочу и не буду пить чай ни с ней, ни с тобой, тебе ясно, маленькая дура? — ответила она мне.

Только вот в чём проблема, дура здесь только ты, Катя, — ответила я и ушла.

Дочь слышала папин голос. Я обернулась Он вышел из машины и направился в мою сторону. Его взгляд был устремлён на меня, но в нём не было обычного приветствия. Я поняла, что причина этого — мои недавние слова о Кате.

«Наверное, это из-за того, что я сказала, что Катя курит», — думала я про себя. Если бы я знала, что он будет рядом, я бы не стала говорить таких вещей. Я глубоко вздохнула, пытаюсь унять волнение.

— Ты всё слышал, да? — спросила я, опустив голову и глядя на землю. Мои эмоции постепенно утихли, и я осознала, что наговорила лишнего.

— А ты и правда дерзишь, — улыбаясь, сказал папа.

— Да она просто не понимает, — начала я на эмоциях, — и этот уголёк меня раздражает.

— Уголёк? — переспросил папа, улыбаясь. — Это ты так Игоря называешь?

— Да, — ответила я. — С тех пор, как она начала с ним встречаться, у неё одни проблемы. Она в дурном настрое-

нии, вечно всем недовольна, плачет через день. Она не видит, что просто губит себя.

— Яна, ну сестра твоя не безнадёжна, просто наивная, — сказал папа. — Придёт время, и она всё поймёт, это будет её путь. И сейчас, пытаясь убедить её в чём-то, вы только тратите своё время. Нельзя заставить другого человека думать так, как ты.

— Да, но он сегодня мне сказал... — продолжила я, глядя на отца.

— И что он сказал? — спросил папа.

— Что скоро нам придётся его принять, и после этого он не будет работать ни дня в своей жизни, — ответила я.

В глазах отца промелькнула тень задумчивости, его взгляд стал серьёзным и сосредоточенным. Я знала, такие моменты предвещают его решимость.

— Даже так, ну хорошо, — сказал папа. — Послушай, ты поменьше с ним общайся, ладно? А если сестра что-то тебе скажет или сделает, сразу же звони мне, и всё рассказывай. Поняла?

— Да, пап, — ответила я.

— Ну и молодец, — сказал он.

Я подумала о Кристине. Она что-то задерживалась, обещала проводить меня, а теперь, видимо, забыла или что-то помешало. Я размышляла об этом про себя, пока не заметила, что отец уже ушёл в сторону машины.

Мне хотелось позвать его обратно в дом, но я понимала,

что это бесполезно. Гордость не позволит ему вернуться, да и я бы не пошла после того, что было сказано.

Зайдя во двор, я остановилась и засмотрелась. Как же красиво! Солнечный свет мягко ложился на клумбы, а в воздухе витал тонкий, сладковатый аромат цветов. Бабушка любила возиться в земле, высаживать цветы. Особенно она любила пионы — они были почти везде. Пышные кусты с тяжёлыми, многослойными бутонами поражали разнообразием оттенков: от нежно-розового, почти перламутрового. Их шёлковые лепестки слегка колыхались от лёгкого ветерка. Ещё розы, белые, — их она тоже любила. Изящные бутоны с идеально ровными лепестками сияли, словно фарфоровые, выделяясь на фоне сочной зелени. И тюльпаны-стройные, горделивые, они выстроились ровными рядами вдоль дорожки: алые, как пламя, солнечно-жёлтые и чисто-белые, будто вырезанные из воска.

Дорожка к дому была выложена из небольших камней, неровных и шероховатых на ощупь, но удобных для ходьбы. Почти всегда из-под них проглядывала сочная трава, упрямо пробивающаяся на свет, она росла пучками между камнями, создавая причудливый узор. Слева от дома, там, где росли цветы, благоухающие и яркие, стояла раскидистая яблоня. Её густая крона давала прохладную тень в жаркий день, а в августе ветви сгибались под тяжестью румяных плодов. Позади неё, за аккуратно выстроенным деревянным заборчиком, был небольшой огород: грядки с зеленью, кустики то-

матов и несколько рядов картофеля. У самого края огорода, возле старой бочки с дождевой водой, цвели настурции, добавляя ярких оранжевых пятен в эту сельскую картину.

С боку от дома, ближе к саду из деревьев, отбрасывавших густую зелёную тень, стоял большой стол и две лавки. Их потемневшие от непогоды доски помнили десятки летних вечеров. Весной и летом мы за этим столом всегда ужинали: в воздухе витал аромат свежескошенной травы, на скатерти блестели капли росы по утрам, а по вечерам вокруг лампы кружились мотыльки, и слышно было, как в саду перекликаются сверчки.

Я вспоминала, как бабушка с любовью ухаживала за каждым цветком, как тщательно следила за порядком в саду. И в этом спокойном уголке, окружённом цветами и деревьями, я чувствовала себя защищённой и умиротворённой.

Кристина так и не пришла, но я решила написать ей записку, чтобы бабушка ей передала.

Пишу тебе это записку, потому что я уезжаю совсем ненадолго, обещаю! Всего на три недели. Мама говорит, что мы вернёмся как раз к твоему дню рождения — представляешь, как здорово? Я совсем не обижаюсь, что ты не смогла прийти меня проводить. Я знаю, что у тебя были важные дела. А ещё у меня есть для тебя сюрприз! Я уже придумала твой подарок на день рождения, и он будет *очень* особенным. Пока не скажу, что это, — пусть будет секрет. Но обещаю, тебе точно понравится! Мне будет немного грустно без тебя. А когда

вернусь, мы обязательно устроим наш фирменный «день подружек» Очень жду, когда мы снова увидимся! До встречи, моя лучшая подруга!

Бабушка подошла ко мне, и я попросила её передать записку Кристине, когда та придёт.

— Хорошо, — ответила бабушка с улыбкой.

— Ты всё собрала? — спросила меня мама.

— Да, — ответила я.

Внутри меня боролось желание уговорить маму, чтобы я осталась, но в то же время я понимала, что дома меня ждут друзья, а ещё я наконец-то увижу Вику. Как же было хорошо, если бы все мои близкие люди жили в одном месте...

— Яна, ну чего ты стоишь посреди двора, хватит летать в облаках! — крикнула мне мама.

— Я уже бегу, — ответила я ей.

Бабушка стояла около машины.

— Ну что, до встречи, — сказала она.

— Ага, ба, — заулыбалась я.

Она обняла меня. Внутри заскребли кошки — я знала, что вернусь, но было так тяжело уезжать.

— Пока, ба, — сказала я ей.

Родители и я сели в машину и уехали.

Я любила ездить на машине, смотреть в окно на пробегающие мимо дома, людей, деревья, поля. В голове было столько мыслей сразу. Папа включал музыку, мама что-то говорила на фоне, иногда я так сильно погружалась в себя, что не

слышала ни музыки, ни родителей. Я только думала и запоминала пейзажи.

— Ян, — обратился к нему отец.

— Да, пап, — ответила я, не поворачиваясь в его сторону.

— Не грусти, там тебя тоже ждут, например, Вика, — сказал мне папа, пытаясь поднять настроение.

— Да, я тоже жду встречи с ней, — пробормотала я себе под нос, всё ещё находясь во власти своих мыслей.

— А ещё, — продолжила мама, — Люда приехала.

Я резко оторвалась от окна.

— Что? — переспросила я, удивлённая новостью. — Она приехала? Когда? Я ещё успею её увидеть? — с улыбкой спросила я маму,

— Да, — ответила она.

Я задумалась о том, как давно не видела Люду, с нового года, наверное. Интересно, она изменилась? И, наверное, что-то мне принесла, — размышляла я про себя, ощущая, как сердце наполняется радостью в предвкушении встречи.

У нас была машина, окрашенная в необычный для тех времён цвет. Салон был серым, что придавало автомобилю особый шарм простоты. В машине всегда играло радио, и магнитофон становился центром семейных поездок. У моего отца был специфический вкус в музыке, который не всегда совпадал с моими предпочтениями. Я часто просила сделать потише, и моя мама была этому очень рада.

На зеркале висела — скорпион. Отец не верил в подобные

талисманы, но мама настояла на том, чтобы этот символ всегда был с нами в дороге. Она считала, что даже такие мелочи могут приносить удачу и защищать от неприятностей на дороге.

Я бежала дом, зная, что там меня ждёт моя сестра. В то время я не придавала значения деталям, но теперь, вспоминая, могу сказать, что в тот момент моё сердце было наполнено предвкушением встречи.

Я резко открыла дверь в дом и увидела её. Она всё такая же — короткие светлые, как снег, волосы, чуть растрёпанные ветром, обрамляют лицо. Круглое лицо, открытое и приветливое, с ямочками на щеках, которые появляются, когда она улыбается. Уши, похожие на мои. Глаза зелёные, как весенняя трава, — яркие, живые, с лукавым прищуром. Она была невысокого роста, но с красивой фигурой: лёгкая походка, прямая осанка, плавные движения.

На ней было надето серое платье без рукавов — простое, но элегантное, с мелким геометрическим узором и оборкой по подолу. Ткань мягко шелестела при каждом шаг

В тот момент я почувствовала, как время будто остановилось. Я увидела в ней не просто сестру, а родного человека. Она была страши меня, ей было тридцать два, но понимала она меня без слов, всегда знала, что сказать, а иногда просто сесть рядом и помолчать, для меня она было другом, сестрой, и даже иногда мамой.

Люда! — закричала я, распахивая дверь в дом.

— Привет, обнимая меня, сказала она. — Как же я рад тебя видеть!

— Ты приехала, — продолжила я, — почему так долго? Тебя не было так долго...

— Работа, Яна, ты же знаешь, — высвобождаясь из объятий она присаживаясь на диван. — Но я взяла отпуск на целый месяц.

— Ого, целый месяц, — удивилась я, — это круто!

Люда улыбнулся и, присев рядом, продолжил:

— Да, целый месяц я смогу посвятить нашему общению.

Я так рад, что ты наконец-то здесь.

В тот момент я почувствовала, как напряжение последних дней спадает.

— Привет, — раздался голос отца позади них.

— Привет, — улыбаясь, ответила Люда папе.

Папа рассказывал, что, когда Люда родилась, его брат почти каждый день приходил в гости. Девочка выросла у него на руках. А потом, когда появилась я, Люда не покидала наш дом, помогала маме со мной, пока она возилась с Катей и Владом.

— Люда, ты уже всё убрала? — спросила мама, войдя в комнату.

— Да, — ответила Люда. — Влад сказал, что ушёл к Данилу.

— Ну понятно, — сказала мама.

Пойду вещи разберу, а то скоро Ви придёт, — сказала я

маме и ушла в комнату.

В детстве наш дом был для меня настоящим миром, полным радости и беззаботности. У нас был огромный двор, где можно было разгуляться. Я очень любила свой дом. Мы жили в месте, где время словно замедляло свой бег, позволяя насладиться каждым мгновением. Качели, которые смастерил мой папа, стояли в самом центре двора. Рядом была небольшая песочница, где мы с друзьями проводили часы, строя замки и создавая целые миры из песка. Беседка была нашим укрытием от солнца и местом для отдыха. Особенно я любила вечера, когда мы с друзьями разжигали костёр. Папа сделал специальное сооружение, чтобы огонь был под контролем и не выходил за пределы безопасного пространства. В этих кострах было что-то волшебное и таинственное.

Сам дом был небольшой — четыре комнаты да небольшая кухня, где почти никогда мы не собирались вместе: не было заведено. Стены в доме выкрашены в приглушённый бежевый.

Папа поздно приходил домой и кушал один на кухне. Там стоял деревянный стол с потёртой поверхностью на нём ещё виднелись следы от горячих кастрюль, несмотря на подставленные картонки. Над столом висела светлая люстра когда она горела, свет получался тёплым, но каким-то усталым. Несколько стульев с тканевой обивкой, на подоконнике теснились горшки с геранью — мамина слабость; их листья чуть блестели от регулярной протирки.

Мама любила кушать одна в тишине, чаще всего унося тарелку в гостиную. Там, у окна, стояло её любимое кресло с высокой спинкой и вязаной накидкой, которую она сама когда-то связала. Рядом — торшер с кремовым абажуром и низкий журнальный столик, заваленный книгами и журналами. На стене над диваном висели семейные фотографии в простых деревянных рамках: мы ещё маленькие, с надутыми щёками и смешными причёсками.

А мы с Владом обычно кушали молча на той же кухне, что для меня было пыткой — ведь я такая болтушка! Брат сидел напротив, уткнувшись в тарелку, а я то и дело ловила его раздражённый взгляд. Иногда я замечала, как он постукивает пальцами по краю стола или нервно поправляет салфетку, лежащую рядом с тарелкой. В такие минуты я смотрела в окно: за стеклом покачивались ветви старой яблони, отбрасывая дрожащие тени на занавеску с выцветшим цветочным узором — и мне казалось, что даже дом вокруг нас словно затаил дыхание, ожидая, когда закончится это неловкое молчание.

Выходя из комнаты, я встретила Влада. Мои глаза резко расширились — вот такое изменение! — воскликнула я.

— Да заткнись ты! — ответил он мне в ответ и убежал в комнату.

Я пошла за ним.

— Эй, ты в курсе, что мама тебя прийдёт за такую причёску? — сказала я, стоя в дверях.

— И что? — ответил он мне.

— Ты зачем подстригся налысо? У тебя была нормальная причёска, теперь ты похож на бездомного, — сказала я ему.

— Да тебе-то что, свали отсюда, — ответил он.

Влад всегда был вспыльчив — внезапные вспышки гнева накатывали на него, как штормовая волна, хотя он отчаянно пытался их сдерживать. Для него мнение окружающих имело колоссальное значение: он боялся осуждения настолько, что выстроил вокруг себя целый ритуал безупречности. Влад ухаживал за собой с маниакальной тщательностью. Идеальные светлые волосы, уложенные с нарочитой небрежностью, на деле требовали получаса перед зеркалом каждое утро. Голубые глаза, обычно холодные и оценивающие, в моменты ярости становились почти стальными. Высокий и подтянутый, с тощим спортивным телом, он следил не только за формой, но и за манерами: правильная осанка, сдержанные жесты, выверенная интонация — всё это было частью его защиты от мира, который, как ему казалось, только и ждал момента, чтобы его раскритиковать. Для 15 летнего подростка это чересчур, любить себя .

— Нет, хочу знать, почему, ты это сделал с собой, зная тебя, только под угрозой смерти ты расстался со своими волосами? Что же случилось? — с улыбкой спросила я, пытаюсь разгадать загадку, скрытую за его поступком.

Он лишь рассмеялся в ответ:

— Да что ты такая прилипала, я же сказал: уйди, не до

тебя, иди вон в песке поиграй, в куличики. Интересно, когда у тебя это пройдёт, до двадцати будешь играть?

В её мыслях рождался сарказм, я понимала, что любой ответ только раззадорит его, а меня выведет на эмоции. И я решила отступить, сохранив спокойствие.

— Маам, иди сюда, Влад что-то хочет тебе сказать, — я улыбнулась,

— Я тебе это припомню, — со злостью ответил он.

— Ох, я не сомневаюсь, но пока я наблюдаю, как мама тебя «разносит».

Мама стояла в проходе, её лицо выражало удивление и гнев. Она не понимала, что произошло, и от этого ей было ещё более тревожно.

Брат объяснял, что это был спор с мальчишками, и он проиграл. Из-за этого его голова теперь без волос. На его лице читался стыд.

— Да что, мам, — пытался оправдаться он, — это был просто спор, я не думал, что всё так обернётся.

— Я даже не буду спрашивать, что за спор и зачем тебе понадобилось на это соглашаться, — разочарованно сказала мама, — твоё решение — твои последствия.

Люда, подошла к брату и попыталась поддержать его:

— Всё будет хорошо, волосы не зубы — вырастут, и тебе так даже идёт, стал брутальный.

Она улыбнулась и ушла вслед за мамой.

Я скривила лицо. Думала, будет веселее, но ничего не по-

делаешь. Заулыбалась и ушла вслед за мамой .

Стук в дверь .

Я открою , сказал я маме заведомо зная , что там стоит моя Ви.

— Привет, — заулыбалась я.

— Привет, — ответила Вика.

— Заходи, мы тут чай пьём,

— Ого, и даже твоя мама с нами будет? — удивилась Вика.

— Да, Люда приехала в гости, а ты знаешь, когда кто-то в гостях, мама всегда на кухне.

Вика почти не изменилась за месяц, пока я была у бабушки. Всё те же чёрные густые, длинные волосы, ниспадающие мягкими волнами до плеч, карие глаза с тёплым, красивые пухлые губы, тронутые естественным розоватым оттенком, и курносый нос, придававший лицу игривое, чуть детское выражение. Она была невысокого роста, но держалась так прямо и уверенно, что казалась чуть выше. Кожа у Вики была светлая, с лёгким румянцем на щеках, а на солнце в чёрных волосах проглядывали тёмно-каштановые блики.

Когда Вика вошла на кухню, она поздоровалась со всеми, кто там находился. Мама пригласила её к столу.

— Кстати, тут такое произошло с Владом, — сказала я, обращаясь к Вике.

Она немного покраснела. Я знала, что мой брат ей нравится, но никогда не говорила на эту тему, так как понимала, что ей это будет неприятно. Да она, как и я, не признавалась

В ЭТОМ ВСЛУХ.

Характер Вики во многом напоминал мой: она, как и я, привыкла всё тщательно продумывать и никогда не действовала поспешно, пока не взвесит все «за» и «против». Логика служила ей главным оружием. Однако между нами было важное отличие: Вики отличалась большей спокойностью и умела держать эмоции под контролем — в отличие от меня, которой так и не удалось этому научиться.

Представь, он побрился налысо, — говорила я ей, кушая торт при этом.

У Вики глаза стали широкими от удивления.— Ого, он бы никогда с ними не расстался! — сказала Вика.

— Да, спор проиграл с ребятами, — ответила я.

Вика заулыбалась:— Ну, до школы вырастет.

— Один плюс есть: теперь ванная по утрам будет свободна, а не как всегда — по часу с этими волосами у зеркала, — сказала я.

Я, мама, Вика и Люда — сидели и разговаривали обо всём и ни о чём одновременно. Я смотрела на них и думала, как же редко так бывает... Вот бы бабушку и Кристину сюда — тогда точно всё было бы идеально.

Ну все можем пойти ко мне в комнату? спросила я у Ви .

Хотя на улице , было лето и вечерело, и можно было посидеть на лавочке с другими ребятами. но я хорошо знала, что Ви отчаянно хочет увидеть Влада: она не видела его целый месяц, и это ожидание томило её, а наши комнаты напротив

друг друга, и она сможет его увидеть .

Да, ответила Вика удивленно.

Комната , брата была открытая как , я и думала .

Я, не глядя в сторону его комнаты и старательно не обращающая внимания на Ви, которая застыла у стены с опущенными глазами.

— Влад, поздоровайся с Ви. сказала я

— Привет, Вика, — произнёс мой брат, глядя на неё долгим, внимательным взглядом. Он заметил, как она слегка улыбнулась в ответ, чуть склонила голову набок и поправила прядь волос — едва заметные жесты, которые говорили больше слов. Он занял, что ей нравится его компания, и это понимание, словно искра, вспыхнуло внутри, согревая его самооценку.

«Классная причёска, тебе очень идёт», — тихо сказала она, чуть склонив голову набок. Смотря на него, она невольно улыбнулась, и в её глазах, сияющих мягким тёплым светом, читалась неподдельная нежность. Влюблённые глаза лучились таким искренним восхищением, что на мгновение вокруг будто стало светлее.

«Конечно, классная — ему на голову рыбу положи, он для тебя будет просто очаровашкой, — подумала я про себя, невольно скривив губы в усмешке.

Они продолжали говорить, а я не стала мешать. Их голоса ушли вдаль, затихли, будто кто-то убавил звук. В голове тут же всплыла мысль: «Интересно, Кристина уже прочитала

мою записку? Да, точно прочитала!» Представляю, как она сейчас сидит, крутит записку в руках, хмурится и думает: «Что же она мне подарит?» С её фантазией она уже, наверное, напридумывала целую коллекцию вариантов А бабушка? Наверняка в огороде. Вижу её прямо сейчас: в косынке, с тяпкой в руках, она наклоняется то к одной грядке, то к другой. А Катя... Ну, Катя, как всегда, с угольком, слушает его байки, про шикарную жизнь, которая за пределы его фантазий и не выйдет.

Яна, Яна ты снами? спросила меня Ви.

А да, я тут просто задумалась, ну что будем делать, спросила я Вику.

Не знаю, может на улицу, там уже наши папы приехали, наверное что-то вкусное привезли, сказала мне Ви.

Ну тогда идем, я взяла её под руку и мы вышли из дома.

Выйдя на улицу родители, уже сидели в беседки, и отце Вики, и Люда. Увидели нас они почему то резко замолчали. Мы с Ви переглянулись, и поняли что к ним нам идти не надо.

У меня с Викой и Кристиной была особенная, почти необъяснимая связь: мы могли ничего не говорить, но понимали друг друга с полувзгляда, с едва заметного движения бровей. Казалось, между нами существовала невидимая нить — настолько тонко мы чувствовали настроение и мысли друг друга.

При этом Кристина и Вика никогда не были знакомы —

словно две вселенные, которые никогда не пересекаются, но обе притягивают меня своей неповторимой силой. Они так кардинально отличались друг от друга, что порой мне казалось, будто я дружу с двумя сторонами одной медали, каждая из которых отражает совершенно разный свет.

Кристина — яркая, быстрая, громкая, весёлая. Она была похожа на фейерверк: врывалась в день без предупреждения и раскрашивала его всеми цветами радуги. Её фантазия просто невероятный поток энергии, С ней мы постоянно попадали во всякие передраги, Потом, конечно, получали вместе — от родителей.

А Вика — совсем другая. Размеренная, спокойная, даже где-то холоднокровная. Эмоции — точно не её стихия: она не кричала, не возмущалась, не металась в панике. Вместо этого холодный расчёт и железная логика. Все шаги у неё были просчитаны наперёд: она составляла планы на месяц, на год, на пять лет. Ещё в школе знала, кем станет, какую профессию выберет, в каком университете будет учиться. В её мире не было места спонтанности — только порядок, дисциплина и чёткое видение будущего.

И что удивительно — с каждой из них у меня было много общего, но совершенно разного.

Скоро наше День Рождение , сказала я Вике , когда мы ней сели на качели.

Не скоро , через пять месяцев , еще долго , ответила она с улыбкой.

Ну тут недолго, нам повезло в один день родиться, а знаешь, я думаю, нам надо объединить дни рождения, я просто слышала, как мама с папой хотят на мой день рождения заказать сюрприз и позвать много знакомых, я думаю, будет целый ресторан заказывать, так что будет много места и весело. Сказала я.

Да, наверное, но ты же знаешь, что сейчас у моих родителей нет столько денег. Я думаю, она не согласится. ответила она, смотря на своего папу.

Я поговорю с родителями, правда, тогда надо будет признаться, что я всё слышала, ну ничего, как раз ты познакомишься с Кристиной, а то все наши дни рождения мы праздновали почти всегда отдельно, и подарки дарили только после поздника, кстати, что ты хочешь на день рождения, я вот у родителей попрошу книгу про Гарри Поттера «Кубок огня». Я хотела спросить у нее, что ей подарят, но поняла, что она погрузилась в мысли, наверное, из-за денег, которых нет у родителей.

Я бы тоже хотела Кубок Огня, резко ответила она. В этом мы были с ней похожи, она так же, как и я, любила Гарри Поттера.

— Вам много задали летней литературы? — спросила я Вику.

— Да нет, всего семь книг, — ответила она, катаясь на качелях.

Я вздохнула и, тыкая ногой в землю, пробормотала:

— Несправедливо... В школе учи, летом учи — ну зачем?

Вика пожала плечами и, глядя куда-то вдаль, сказала:

— Это жизнь. А когда ты пойдёшь в институт, там ещё больше будет всего.

— Да уж... — я вздохнула ещё тяжелее. — Да, уже поскорее! Я эту школу не люблю.

Вика помолчала, потом тихо добавила:

— Да, я бы любила, если бы не одноклассники, — в её голосе прозвучала грусть

С Викторией в классе почти никто не дружил. Причина тому — её вещи: поношенные джинсы с едва заметной заплаткой на колене, свитер, который, казалось, видели ещё в прошлом десятилетии, и не новый рюкзак — тёмно-синий, с потускневшей эмблемой и слегка отошедшей строчкой у молнии. Одноклассники то и дело бросали косые взгляды, а кто-то не стеснялся отпускать едкие замечания: «Опять в том же?», «У тебя другой одежды нет?» или «Рюкзак будто с чердака достали». Вика старалась не подавать виду, но каждый такой комментарий оставлял в душе неприятный осадок.

Да ну их, Вик, они просто не понимают ничего. Скупые, недалёковидные — и всё это из-за каких-то глупых стереотипов. А ты не обращай на них внимания, правда. Ты умная, добрая, с потрясающим чувством юмора — и красивая не потому, что носишь брендовые вещи, а просто по своей природе. Тебе не нужны все эти модные тряпки, чтобы казаться лучше: ты и так лучшая. А вещи... да это просто ткань,

сшитая по шаблону. Настоящая красота — она внутри, и она у тебя есть в избытке. сказала я ей .

Да, классно, когда ты тут, а я там с ними .Я точно знаю, что родители стараются из последних сил: мама и папа много работу, чтобы больше заработать , и оба всегда готовы выслушать и поддержать. Учителя тоже не остаются в стороне — многие подбадривают, дают полезные советы. Но вот учитель по биологии, когда узнала, что я хочу быть доктором, лишь усмехнулась и сказала, что это пока только у меня в мечтах. Её слова больно задели — ведь я хорошистка, старательно учусь, особенно углубляюсь в химию и биологию, веду блокнот с заметками по анатомии... Почему же кто-то может так легко обесценить мою мечту? опустив голову говорила она .

Раздалось , голос Люды позади нас

Она так говорит, только потому, что сама так и не стала врачом. Когда-то это было её главной мечтой: белый халат, ответственность, возможность помогать людям. Но что-то не сложилось: может, не хватило упорства, может, вмешались обстоятельства, а может, просто страх перед серьёзным выбором взял верх. Теперь, глядя на тебя, она видит потенциал, который когда-то не смогла реализовать в себе. И эта мысль невольно рождает в ней досаду, почти злость. Не на тебя — на себя. Но признать это сложно, поэтому раздражение невольно переносится на того, кто напоминает о несбывшемся.

Извините, девочки, что вмешалась — я не подслушивала, если что. Но знайте: мечты должны сбываться, даже если другие в них не верят. История знает множество примеров, когда самые смелые идеи сначала встречали непонимание, а потом меняли мир. Ваша мечта — это ваш компас. Доверяйте ему, будьте настойчивы, и со временем даже скептики начнут восхищаться тем, чего вы достигли. Улыбаясь сказала Люда .

— Она такая добрая и умная, — сказала мне Вика, смотря, как Люда уходит в дом.— Да, хотя мама всегда говорит, что её излишняя доброта станет её погибелью, — ответила я Вике.

Люда была человеком необыкновенно добрым — из тех, кто видит в других лучшее, даже когда оно спрятано глубоко. Она верила, что злость — это чаще всего крик о помощи, признак внутреннего несчастья, а по-настоящему счастливые люди не несут в мир зло.

Почти никогда Люда не обсуждала людей, а если и говорила о ком-то, то находила что-то хорошее: доброе слово, незаметный поступок, искреннюю улыбку. В разговорах, где начинали кого-то осуждать, она мягко останавливала собеседников своей любимой фразой: «Мы не знаете, через что прошёл человек, чтобы сделать те или иные поступки». В этих словах была вся она — мудрая, сострадательная и неизменно человеческая.

Да , только вот мама , говорит что её доброта сыграет с

ней злую шутку . Говорила я Вика смотря как Ляда уходит в дом .

Твоя мама , может что-то и знает , о жизни такого чего не знаем мы , ответила мне Вика.

Я видела, как Ви погрузилась в свои мысли, ритмично тыкая землю носком кроссовка, раз, ещё раз, будто отсчитывая какие то внутренние такты. Пыль взлетала мелкими облачками и оседала обратно. Я открыла было рот, чтобы высыпать на неё все новости разом: и про Катю, чьи секреты наконец открылись, и про мою злосчастную ногу, которую я умудрилась пробить ржавым гвоздём, и про Игоря, который теперь уголёк. Но что-то меня остановило. Взгляд Ви был настолько сосредоточенным, словно она решала какую-то невероятно сложную головоломку. «Нет, не сейчас, — мелькнуло в голове. — Потом расскажу. У нас ещё полно времени». И я замерла рядом, стараясь даже дышать потише, просто наблюдая за игрой теней на земле и ожидая, когда она вернётся из своих размышлений.

Дочь , поехали . раздался голос отца Ви.

Уже , удивленно спросила она его .

Да , время уже вечер , на надо ехать дел дома много .

Д.Сережа, а можно она останется у меня на ночь? Мы так давно не виделись — спросила я его, параллельно бросая умоляющий взгляд на родителей.

Мамино лицо оставалось спокойным, почти безучастным, но я заметила, как на мгновение дрогнули уголки губ — буд-

то она мысленно взвешивала все «за» и «против».

Папа, напротив, он знал ответ Д.Серёжи — знал заранее, ещё до того, как тот открыл рот. И знал, что этот ответ будет «нет».

Я неотрывно смотрела на папу, безмолвно умоляя его вмешаться. Мой взгляд, наверное, говорил слишком много:

«Ну скажи чтонибудь! Подтолкни его, намекни, придумай хоть какой то аргумент!»

Но он молчал. Просто смотрел куда то в сторону.

Д.Серёжа, уловив паузу, наконец покачал головой:— Извини, но лучше в другой раз.

Я вздохнула, пытаясь скрыть разочарование, но в груди всё равно стало тесно.

Ладно , Ян . Завтра увидимся в парке, как и всегда , папе нужно помочь, пака мама на работе, она и так почти не отдыхает.

Хорошо , тогда до завтра , сказала я ей и смотря как она уходит к машине отца .

Я резко двинулась в сторону дома, нарочито громко топая ногами,ри этом я не удержалась и фыркнула, бросив на отца короткий презрительный взгляд.

Эй! — раздался мамин голос за спиной, резкий и властный, будто удар хлыста. Что за поведение? Кто перед домом — друг твой или отец?

Её брови были сдвинуты, а губы сжаты в тонкую линию верный признак того, что она всерьёз рассердилась.

Если что то не по-твоему, так все сразу враги, да? — продолжила мама уже чуть тише, но всё так же строго, почти с укором.

Я подняла глаза, встретила с её взглядом в нём читалось ожидание ответа. Я не нашла в себе сил ни извиниться, ни объяснить, что на самом деле меня так задело. Вместо этого я молча сжала кулаки, отвернулась и, не говоря ни слова, направилась к дому. Поднявшись по скрипучим ступенькам крыльца, я толкнула дверь и быстро прошла через тёмную прихожую. Хлопнула дверью своей комнаты — не слишком сильно, но достаточно громко, чтобы они услышали.

Прошло минут десять и я начала успокаиваться, и анализировать что я сделала.

Вот дура, как всегда эмоции, интересно я научись их контролировать, блин надо бы извиниться. подумала я.

Стук в дверь, я поняла что это был папа.

Заходи па, сказала я ему.

он открыл дверь, но не вошел.

Ну что успокоилась, улыбаясь спросил он меня.

Наверное, сказала я.

Я знал, что она скажет «нет», — с лёгкой усмешкой произнёс отец, так как попросил его оставить Вику у нас, зная что этого захочешь.

Я опустила свои глаза, Извини сказа я. Мне было стыдно, мои щеки покраснели.

«Дочь, я знаю тебя лучше, чем ты думаешь, — мягко про-

изнёс он, чуть улыбнувшись. — Всё нормально». Он подошёл ближе, на мгновение замер, словно желая сказать что-то ещё, но вместо этого осторожно наклонился и нежно поцеловал её в макушку. Затем, не дожидаясь ответа, тихо развернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.